

УДК 94(470.53)''1917/1991''

Г. В. ВЕРНАДСКИЙ В ПЕРМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: 1917–1918 ГОДЫ

Г. Д. Селянинова

Пермский государственный педагогический университет, 614000, Пермь, ул. Сибирская, 24
gsina@mail.ru

Рассматривается деятельность известного российского историка Г. В. Вернадского с сентября 1917 г. по август 1918 г., когда он преподавал на кафедре русской истории историко-филологического факультета Пермского университета, активно работал в Обществе исторических, социальных и философских наук. Анализируются публикации историка, подготовленные в Перми. Характеризуются условия повседневной жизни в связи со становлением советской власти и началом большевистского террора. Обращается внимание на глубокую духовную трансформацию Г. В. Вернадского, вызванную усилением религиозности в реалиях переживаемой исторической ситуации и спецификой пермской духовной среды.

Ключевые слова: Г. В. Вернадский, Пермский университет, интеллектуальное сообщество, революция, Гражданская война.

Пермский университет с момента его создания в 1916 г. и до настоящего времени является одним из интеллектуальных центров России. В нем работали крупнейшие ученые разных специальностей, в том числе историки. Один из них – Г. В. Вернадский. До распада СССР о пребывании в Перми этого выдающегося ученого и о значении тех лет для его жизни было мало что известно. В частности, в последней работе по истории Пермского университета, подготовленной на исходе советской эпохи группой авторов во главе со Львом Ефимовичем Кертманом, этому аспекту университетской истории не уделяется специального внимания [Кертман, Васильева, Шустов, 1987]. Поэтому обращение в данной статье к характеристике деятельности в Перми Г. В. Вернадского позволяет дополнить страницы не только биографии этого интеллектуала, но и истории регионального вуза.

О пребывании Г. В. Вернадского в Перми с осени 1917 до лета 1918 г. историки изредка упоминают в своих работах. Например, исследователь биографии и творчества ученого Н. Н. Болховитинов, характеризуя время его работы в Пермском университете, пишет о том, что здесь историк «на некоторое время смог погрузиться в нормальную академическую жизнь, тем более, что в то время в городе собрался сильный состав преподавателей» [Болховитинов, 2002, с. 10].

Автором двух небольших биографических статей о Г. В. Вернадском является пермский историк А. В. Шилов [Шилов, 1995, с. 122–124; Профессора..., Пермь, 2001, с. 24–25]. Фрагмент из воспоминаний Г. В. Вернадского, посвященных пермскому периоду его жизни, был опубликован пермским литератором В. Михайлюком в книге «Пермская шкатулка» [Михайлюк, 2007, с. 91–104], где также приводился фрагмент письма Г. В. Вернадского издателю А. С. Яценко, демонстрирующий интерес историка к городу на Каме¹.

Несмотря на интерес исторического сообщества к данной теме, ни реалии повседневной жизни Г. В. Вернадского в Перми, ни его творческая деятельность в данный период не стали предметом специального исследования. Сохранившиеся же исторические источники дают возможность взглянуть в этот период жизни известного историка.

В своих воспоминаниях Г. В. Вернадский отмечал, что в Перми оказался почти случайно. Будучи приглашен летом 1917 г. в Омский политехнический институт на вновь учрежденную кафедру русской истории, Г. В. Вернадский намеревался прибыть туда в середине сентября. Как он вспоминал позднее, «в начале сентября мы с Ниной выехали в Омск, но доехали только до Перми, где нас задержала железнодорожная забастовка, конца которой не предвиделось. Мы остановились в гостинице. Я познакомился с профессорами Пермского университета, которые отнеслись ко мне с большим дружелюбием. Им как раз оказался нужен профессор новой русской истории (древнюю читал Б. Д. Греков), и они предложили мне эту должность. Я, конечно, с радостью согласился, опять-таки оговорив, что на конец октября должен буду съездить в Петербург... В Омск я телеграфировал о случившемся» [Вернадский, 1995, с. 141].

После поездки в Петроград для защиты диссертации Г. В. Вернадский возвращается в Пермь: «В Петербург я поехал один, оставив Нину в Перми налаживать жизнь там... 25 октября утром пустился в обратный путь... Носильщик с трудом впахнул меня в вагон III-го класса, набитый уже солдатами. Поезд долго еще стоял, наконец, тронулся. Я залез на верхнюю полку и почти всю дорогу на ней пролежал. Доехал до Перми совершенно измученный. Нина встретила меня уже как чудесно спасенного – я только от нее узнал о перевороте 25 октября» [Там же, с. 141, 142].

После защиты диссертации на историко-филологическом факультете Петроградского университета 22 октября 1917 г. на тему «Русское масонство при Екатерине II» историк был удостоен степени магистра русской истории². Как отмечает Н. Н. Болховитинов, «работа Г. В. Вернадского оказалась, по-видимому, последней исторической диссертацией, защищенной в России до Октябрьской революции» [Болховитинов, 2002, с. 7].

После того как 23 октября 1917 г. совет университета объявил конкурс на замещение вакантной должности профессора по кафедре русской истории, Г. В. Вернадский написал 18 ноября 1917 г. заявление на имя декана историко-филологического факультета Пермского университета о желании в нем участвовать³.

В автобиографии (Curriculum Vitae), представленной в совет университета 18 ноября 1917 г., Г. В. Вернадский сообщал помимо общих сведений об образовании о своем опыте преподавательской деятельности. Окончив в 1910 г. историко-филологический факультет Московского университета, «с осени 1913 года стал приват-доцентом того же университета по кафедре русской истории»⁴. Кроме этого, с 1915 г. он преподавал русскую историю в Петроградском частном университете при Психоневрологическом институте⁵.

К тому времени Г. В. Вернадский уже был автором большого количества научных статей⁶, библиографических обзоров и рецензий в журналах «Библиотекарь», «Русская Мысль», «Голос Минувшего». Он выступил в качестве редактора издания «А. Н. Пыпин. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX вв.», вышедшего в 1915 г. в Петрограде. Там же отдельно было опубликовано в 1917 г. его исследование, легшее в основу магистерской диссертации, – «Русское Масонство при Екатерине II».

Положительный отзыв о научных трудах Г. В. Вернадского был дан профессором Б. Д. Грековым, также работавшим в Пермском университете на кафедре русской истории. Б. Д. Греков подчеркнул, что книга Г. В. Вернадского «Русское масонство при Екатерине II» «никогда не утратит своего значения, как основная сводка критически проверенного и расположенного по определенным рубрикам материала»⁷. Характеризуя статьи «Против солнца. Распространение русского государства к востоку» и «Государевы служилые и промышленные люди в восточной Сибири XVII в.», рецензент заметил, что «автор сумел и освежить старый материал, и отчасти осветить его с точки зрения мировой политики Русского государства, благодаря чему история этого движения в статье автора приобретает очень определенный смысл»⁸. Не соглашаясь с некоторыми выводами Г. В. Вернадского, Б. Д. Греков, однако, признавал широту его взгляда на исторический процесс: «Некоторые положения автора можно считать спорными (утверждение, что продажа Русских Американских владений было политической ошибкой), но нельзя отказать автору в умении подходить к современным политическим вопросам с исторической перспективой»⁹.

Характеризуя статью «Манифест Петра III о вольности дворянской и Законодательная Комиссия 1754–1766 гг.», рецензент заметил, что она «написана по новому материалу и дает вполне законченный и самостоятельный вывод... обнаруживает в авторе способность исторического синтеза, которую ему не пришлось проявить в достаточной степени в своей диссертации»¹⁰.

Общая рекомендация Б. Д. Грекова была такова: «Приват-доцент Петроградского Университета, магистр Русской Истории Г. В. Вернадский – молодой ученый, облик которого еще окончательно не сложился, но научное направление и вкусы которого уже обозначились в области новой русской истории, с одной стороны, разработанной далеко не достаточно и трудно поддающейся обработке благодаря близости к современности и обилию материалов, не всегда собранных и опубликованных – с другой... Думается, что Георгий Владимирович Вернадский – добросовестный и серьезный научный сотрудник, является желательным кандидатом для Пермского Университета»¹¹.

Другой историк, работавший тогда в Пермском университете, – профессор В. Э. Круман – в отзыве от 14 декабря 1917 г. на статью Г. В. Вернадского «Против солнца. Распространение русского государства к востоку» также отметил его способности к историческому синтезу: «Брошюра

Г. Вернадского „Против Солнца”... представляет собою популярный очерк продвижения русского племени в Сибирь и за Сибирь – в Америку. Особенно ценным в этом очерке является то искусство, с которым автор сумел поставить многовековую колонизацию русскими “За-каменного” востока в широкую историческую перспективу, в частности, показать, как менялись характер и темп поступательного движения, захватов, эксплуатации и заселения указанных земель в зависимости от эволюции политического самосознания Русского государства и от назревания тех или иных территориальных и коммерческих интересов»¹².

Вероятно, еще тогда у ученого начинают зарождаться те идеи, которые позднее привели его к евразийскому взгляду на историческое прошлое России. Именно такой подход отметил В. Э. Крусман: «Кое-где автор, правда, чересчур увлечен открытой им перспективой и потому несколько поспешил в своих выводах. Так, например, его утверждение, что философия значения пространства, занятого русским народом..., есть философия всей русской истории..., или вывод <о том, что то,> что <для> Московской Руси уже прошлое, по мере удаления от Москвы может еще быть настоящим..., или что Сибирь называлась Малой Индией потому, что она для Москвы XVII в. – то же, что позже для англичан Индия... Отмирание понемногу частновладельческого взгляда русских государей на захваты на далеком востоке и вхождение полосы за полосой Сибири в понятие Русского государства очерчены автором очень четко и красиво и изобличают в нем значительные конструктивные способности»¹³.

В. Э. Крусман отметил также глубину и разносторонность исторического экскурса Г. В. Вернадского, касавшегося присоединения Сибири: «Как ни мала статья (всего 26 стр.), можно сказать, что не упущена ни одна из крупных политических и экономических проблем, встававших перед русским народом или его правителями в деле эксплуатации шаг за шагом захватывавшегося пространства. При этом надо поставить автору в особую заслугу, что он сумел огромный фактический материал (статья его отнюдь не является беглым обзором главных моментов в истории Сибири, а именно историческим очерком) подать в увлекательной форме, порой даже коснуться и отдельных культурно-бытовых явлений»¹⁴.

В. Э. Крусман подчеркнул способность историка определять вектор исторических событий из средневековья в недавнее прошлое: «Интересу этой работы в некоторой степени содействует известный лиризм изложения, кульминирующий в меланхоличном выводе, что старый Московский взгляд на восточные владения, как на имущество казны, сказался еще в XIX веке – и привел к извращению смысла поступательного движения русских на восток: к отказу от американских владений при Николае I и Александре II и манджурской авантюре при Николае II»¹⁵.

Профессор В. Э. Крусман в целом высоко оценил статью Г. В. Вернадского: «Общее впечатление от данной работы самое отрадное: автор способен ознакомить широкую публику с очень сложным и очень большим материалом, ни на мгновение не жертвуя популярности ради строгой научности в освещении затронутых вопросов, изложению которых он, однако, умеет придавать блеск и увлекательность»¹⁶.

Двадцатого декабря 1917 г. на заседании историко-филологического факультета Пермского университета Г. В. Вернадский был «признан избранным единогласно профессором по кафедре Русской Истории при историко-филологическом факультете Пермского Университета»¹⁷. Чуть позже, 23 января 1918 г., на заседании совета Пермского университета¹⁸ было принято постановление: «Считать избранным... магистра Русской Истории Георгия Владимировича Вернадского, исполняющим должность Ординарного Профессора по кафедре Русской Истории и представить в Министерство Народного Просвещения на утверждение»¹⁹.

Об этих событиях Г. В. Вернадский вспоминал: «Я был избран исполняющим должность профессора русской истории Пермского университета. В Перми нам с самого начала очень понравилось. В университете шла серьезная преподавательская и научная работа и с большинством профессоров и их семей мы сдружились. Многие профессора были петербуржцы. Ректором был астроном Покровский. Из других петербуржцев был профессор средневековья Николай Петрович Отакар²⁰ (ученик Гревса) и профессор древней истории литовец Вольдемарас (ученик Ростовцева; впоследствии, когда образовалась самостоятельная Литовская республика, он стал ее первым президентом). Я читал курс новой русской истории (XVIII–XIX вв.). Древнюю русскую историю читал москвич Б. Д. Греков. Древнюю русскую литературу читал бывший профессор Варшавского уни-

верситета Арсений Петрович Кадлубовский, глубокий историк русских святых, сам искренно верующий православный» [Вернадский, 1995, с. 142].

Вдохновлял Г. В. Вернадского и интерес студентов к его лекциям: «Поразительна была тяга молодежи к образованию, проявившаяся в России в это смутное время... Большинство студентов занималось с энтузиазмом. Я плохой лектор, но меня слушали очень внимательно. Семинар я вел лучше. Многие студенты оставались еще после лекции или семинара и задавали вопросы, беседовали» [Там же, с. 144].

В Перми не только успешно складывалась профессиональная деятельность Г. В. Вернадского, но и образовался тесный круг дружеского общения: «Ближайшими нашими с Ниной друзьями сделались профессор истории церкви Александр Петрович Дьяконов (кажется перед тем профессор Петербургской Духовной академии) и его жена Вера Ивановна. Дьяконов был выдающийся историк древней церкви, знаток сирийского языка, верующий православный..., считающий, что белое духовенство (священники) составляют основу церкви. У Веры Ивановны был хороший голос, они часто с Ниной пели дуэты у них дома (в наших маленьких комнатках нельзя было устраивать собрания) или на музыкальных профессорских вечерах в университете. Нина там и соло с успехом пела. В Перми тогда жила и сестра Веры Ивановны – Мария Ивановна Арнольд, необыкновенно талантливая сказительница всяких житейских, былинных и таинственных историй, например, как узнать ведьму (если женщина пройдет по комнате и пол не скрипнет – значит ведьма). Часто у нас бывал минералог Владимир Владимирович Ламанский, любитель-филолог, яростный защитник старого русского правописания, талантливый человек...» [Там же, с. 142–143].

Помимо домашнего музицирования с друзьями в Перми была возможность общения и в образованном в университете музыкальном кружке: «Многие из профессоров были любители музыки и сами хорошие музыканты. Создали музыкальный кружок, устраивались вечера камерной музыки и пения (Нина иногда выступала и там). Местное пермское общество поразило нас своей культурностью, включая и музыкальной. Был превосходен городской симфонический оркестр» [Там же, с. 143].

Налаживалась бытовая жизнь: «Мы с Ниной поселились в трех небольших, но уютных (и теплых зимой) комнатах, которые мы сняли в квартире Николая Александровича Вечтомова, служившего в Пермском отделении Волжско-Камского банка. Во дворе дома (как во многих домах в Перми) была баня, которой мы с удовольствием пользовались. Жена Вечтомова, сколько помню ее звали Мария Васильевна, была учительницей в городской школе. У них же мы и столовались. В Перми еще было изобилие продуктов и все было сравнительно дешево. Николай Александрович держал в строгости и свою жену, и свою собаку... Он иногда интересно рассказывал о прошлом» [Там же, с. 143].

Кроме того, как раз после приезда Г. В. Вернадского в Перми возникло интеллектуальное общество, объединившее как ученых-гуманитариев, так и естествоиспытателей, приехавших из университетских центров и чувствовавших потребность в создании интеллектуальной среды в городе, хотя и имевшем статус центра губернии, но остававшимся в определенном смысле провинциальным. Еще 23 ноября 1916 г. группа профессоров историко-филологического, юридического и физико-математического факультетов²¹ обратилась в совет Пермского отделения Петроградского университета с ходатайством об учреждении «Научного общества, посвященного разработке исторических, философских, филологических и социально-юридических знаний» [Сборник..., 1918, с. 176].

После одобрения советом проекта устава Общества последний был представлен на утверждение в министерство народного просвещения. Революционные катаклизмы задержали утверждение устава, и Обществу суждено было открыться уже после обретения Пермским университетом самостоятельности²². Устав Общества был утвержден 15 октября 1917 г., а 21 декабря того же года состоялось открытие Общества [Там же, с. 176].

К лету 1918 г. в состав Общества входило 48 действительных членов и 6 члено-сотрудников. Председателем Общества в течение полугодия состоял профессор А. П. Дьяконов, товарищем председателя – профессор М. В. Птуха, секретарем – профессор Н. Н. Фиолетов, товарищем секретаря – профессор В. Н. Дурденевский, казначеем – профессор С. П. Обнорский (все избраны 3 января 1918 г.); кроме того, членами совета Общества были избранные 14/27 февраля

1918 г. профессора Г. В. Вернадский и Б. В. Казанский [Там же, с. 177–178]. Таким образом, активная деятельность Г. В. Вернадского в Обществе началась зимой 1917–1918 г.

В качестве целей деятельности Общества было объявлено развитие и распространение исторических, философских, филологических и социально-юридических знаний. Но, создавая Общество первоначально с просветительскими целями, пермская профессура в условиях разворачивавшейся Гражданской войны использовала его возможности для самоорганизации «в тяжелое и смутное время, неблагоприятное для мирной научной работы», не считая себя вправе «ожидать более благоприятных времен для начала своей деятельности», как отмечал Г. В. Вернадский [Там же, с. 1].

Деятельность Общества заключалась главным образом в устройстве публичных заседаний, на которых читались и обсуждались доклады и сообщения по вопросам, входившим в круг исторических, философских и социальных знаний. Таких заседаний было за полгода 12, и на них было сделано 17 докладов и сообщений.

В мае 1918 г. Общество приступило к изданию «Сборника» своих ученых трудов. Редактором изданий на заседании 20 мая / 2 июня 1918 г. был избран профессор Г. В. Вернадский.

Опубликованными в «Сборнике» оказались не все заслушанные на заседаниях Общества доклады (среди них доклад профессора В.В.Ламанского «Реформа русского правописания»), и, наоборот, в числе включенных в «Сборник» статей были не представленные публично. Среди последних – статья «Субъективное право и его основное разделение» В. Н. Дурденевского, а также исследование Г. В. Вернадского «Императрица Екатерина II и Законодательная Комиссия 1767–1768 гг.»

Г. В. Вернадский изложил в данной статье свой оригинальный взгляд на причины и подготовку созыва Уложенной комиссии. Он считал, что «вся предварительная работа по выработке плана созыва и организации Комиссии должна быть... признана довольно продолжительной и весьма обдуманной» [Вернадский, 1918а, с. 44]. «При своем воцарении, – отмечает историк, – Екатерина не подтвердила манифеста 18 февраля <1762 г. „О вольности дворянской“>» [Там же, с. 48]. И далее пишет: «Я убежден, что именно эта необходимость ответа на вопрос о правах дворянства и заставила Екатерину обратиться от сановно-аристократической Комиссии <Императорских советников> к мысли о созыве всеобщей Комиссии, где бы дворянские притязания были уравновешены притязаниями других сословий, а вместе с тем ответственность за урезку дворянских привилегий переложилась бы с личности монарха на авторитет народного голоса... Созыв Комиссии должен был доставить народную опору... против чрезмерных притязаний сановного дворянства и гвардейского офицерства» [Там же, с. 51–52]. Именно данной цели соответствовал характер проводившихся выборов от разных сословий: «В то время как... купечество выбирает депутатов без всяких представителей администрации, только под руководством органов посадского самоуправления, дворянские выборы, наоборот, должны были проходить под непосредственным наблюдением администрации; администрация обязана была сделать все приготовления для выборов, составить список участников избирательного собрания, направлять самые выборы» [Там же, с. 54].

Не случайно в Комиссии был поставлен крестьянский вопрос: «В центре Комиссии стоял... вопрос о дворянстве, о привилегиях благородного сословия; обратной стороной его был вопрос о положении крепостного крестьянства, о степени зависимости крестьянина от дворянина» [Там же]. Но рассмотрение этого острейшего вопроса российской действительности не могла инициировать даже Екатерина II, поскольку «это могло вызвать против нее слишком страстное негодование даже в узком кругу близких к трону сановников» [Там же, с. 57].

По мнению Г. В. Вернадского, именно невозможность решения в рамках Комиссии главного противоречия российской действительности второй половины XVIII в. стала причиной прекращения ее деятельности, тем более что «большинство Комиссии (как это можно заключить и по сословному составу депутатов) резко было настроено против дворянских привилегий» [Там же, с. 64]. Историк подчеркивает, что именно недовольство дворянства постановкой крестьянского вопроса привело в конечном счете к роспуску Уложенной комиссии: «...вопрос о крепостных в Комиссии обострил до крайности отношения между сословиями, поднял темные стихии междусословной вражды и ненависти. На резкие нападки и обвинения дворянство, не привыкшее к обсуждению своих действий, не могло не отвечать в свою очередь обвинениями и нападками. Оно было глубоко возмущено критикой своих владельческих прав... Волна дворянского недовольства обрушилась на

Комиссию и смысла ее: если бы Екатерина не распустила своего парламента, эта волна обратилась бы на нее самое» [Там же, с. 62].

Современные историки признают, что тот вклад в исследование екатерининской эпохи, который внес Г. В. Вернадский своей статьей, опубликованной в «Сборнике», важен и для современной историографии. Например, В. С. Лопатин считает, что Г. В. Вернадский в своем исследовании показал неготовность русского общества к восприятию этих идей и к новым формам законотворчества» [Лопатин, 1997]. В другой работе он же отмечал: «Г. В. Вернадский... показал, что “Наказ” Екатерины уже содержал мысли о вольных хлебопашцах на тех же самых правилах, которые были осуществлены полвека спустя внуком императрицы Александром I» [Лопатин, 1992].

Вторая публикация в «Сборнике» представляла собой обширный комментарий к помещенному здесь же письму Н. И. Тургенева на французском языке, касающемуся крестьянского вопроса 1859 г. и обращенному в Главный комитет по крестьянскому делу. Н. И. Тургенев – российский помещик, передавший безвозмездно треть своей земли крестьянам еще до аграрной реформы 1861 г. и извлекий определенные уроки из своего деяния. Г. В. Вернадский дает источниковедческий анализ документа, одновременно характеризуя содержание и исторический контекст его создания. В результате получился блестящий образец внешней и внутренней критики источника. Кроме того, Г. В. Вернадский делает вывод о существовании некоторой связи между идеей гагаринского надела (четвертного, передаваемого крестьянам безвозмездно) и тем способом, который использовал Н. И. Тургенев для освобождения своих крестьян: «Печатаемое ниже письмо Тургенева, прошедшее через высокие сферы, позволяет думать, что между Тургеневским и Гагаринским наделами была не только теоретическая идейная связь, но и некоторая более определенная генетическая зависимость» [Вернадский, 1918б, с. 122].

Первый выпуск «Сборника» вышел из печати в июле 1918 г., он имел объем 11 печатных листов и тираж 400 экземпляров. Его скромные размеры были связаны с ограниченностью средств Общества, источником которых стало «ассигнование из специальных средств Пермского университета (1500 руб. в год) и незначительные членские взносы. При дороговизне типографских работ и бумаги издание первого выпуска даже в таких скромных размерах оказалось возможным только благодаря особому вниманию со стороны Совета университета, который разрешил дополнительное ассигнование» [Сборник, 1918, с. 179].

Сборник содержал кроме научных статей текст устава и протоколы заседаний. Знакомство с опубликованными в нем материалами дает возможность прикоснуться к атмосфере научного общества, познакомиться с культурой ведения научной дискуссии, получить представление об интеллектуальной жизни пермской научной интеллигенции в сложное историческое время.

Общество имело грандиозные планы дальнейшей публичной и издательской деятельности. Предполагалось издавать «Сборник» ежегодно двумя выпусками приблизительно по 25 листов каждый; устраивать общедоступные лекции, организовывать экскурсии для этнографического и историко-археологического изучения местного края, заняться собиранием этнографических и археологических памятников, архивных материалов и рукописей и приобретением книг в соответствии с уставом Общества. Однако все это осталось невоплощенным в действительность. Говоря о «трудностях научно-литературных мероприятий» в предисловии к «Сборнику», Г. В. Вернадский имел в виду препятствия, связанные прежде всего с положением интеллигенции в большевистском государстве. Острые материальные проблемы, усиление идеологизации общественной жизни во второй половине 1918 г. в условиях начинавшейся Гражданской войны стали непреодолимой преградой для дальнейшей деятельности Общества. Изданный «Сборник» продемонстрировал стремление к беспристрастному поиску научной истины и твердость в следовании собственной позиции в условиях наступления на свободомыслие и разворачивавшегося произвола, это была попытка интеллектуального самосохранения в условиях противостояния идеологическому наступлению большевиков.

В Перми Г. В. Вернадский принял участие в выборах в Учредительное собрание 12 ноября 1917 г.: «Мы с Ниной, конечно, тоже голосовали (вообще же говоря, я в Перми политической деятельностью не занимался) – голосовали за кандидатов Партии народной свободы» [Вернадский, 1995, с. 143].

Январская трагедия разгона Учредительного собрания сразу же нашла отражение и в пермской действительности: «Это был переломный момент, приведший к гражданской войне...

Жизнь сразу резко переменялась. Продукты начали исчезать с рынка», – отмечал Г. В. Вернадский [Там же].

Помимо редактирования сборника и подготовки статей для него Г. В. Вернадский сохранял интерес к изучению Сибири, но поскольку времени на научную работу не оставалось, он «начал заниматься татарским языком у местного муллы» [Там же].

В Перми Г. В. Вернадский пережил и глубокую духовную трансформацию: «В Перми я, можно сказать, вернулся к церкви. Во время моего студенчества в Москве и позже до 1917 года я как-то отошел от религии и церкви, хотя и не сделался атеистом и почти всегда ходил на 12 Евангелий и на Пасхальную заутреню». Он объяснял усиление своей религиозности реалиями переживаемой исторической ситуации и спецификой пермской духовной среды: «Вероятно, большевистский переворот обратил меня к церкви и оживил Нинино религиозное чувство. Пермь была религиозным городом. Архиепископ Андроник (грузин)²³ был верующим человеком и хорошо совершал церковные службы. Хорошо служили и в других церквях. Наш домохозяин Вечтомов был любителем и знатоком церковных служб, и мы с ним часто ходили в церковь. Кажется, в первый раз в жизни я был на страстной неделе на утрени Великой субботы, которая в Перми совершалась в два часа ночи. На Богоявление (6 января) совершался большой крестный ход из Перми в рабочее предместье – Егошиху, где на ручье устраивалось водосвятие; при нас, несмотря на большевистский режим, был многолюдный и торжественный крестный ход на Егошиху, мы тоже ходили. Большевики не вмешивались» [Там же, с. 144].

Но вскоре политика атеистического государства проявила себя в организации репрессий против духовенства. В связи с началом конфискации церковного имущества «архиепископ Андроник произнес в соборе резкую проповедь против советского правительства» [Там же, с. 145]. Г. В. Вернадский вспоминал об этих событиях: «Верующие собрались на службу в большем, чем обычно, количестве, чтобы предотвратить предполагавшийся арест владыки. Мы с Ниной были в церкви. Большевики не решились арестовать Андроника при выходе его из церкви, но арестовали по возвращении его в архиерейский дом. Владыка Андроник наложил интердикт на все церковные службы и требы в его епархии. Это распоряжение оказалось неосуществимым. Верующие не могли оставаться без церкви и обратились к викарному епископу. Тот своей властью отменил интердикт. Большевики посадили Андроника в тюрьму, а позже убили (убили, вероятно, уже после нашего отъезда из Перми, так как там мы об этом не слышали)» [Там же].

Вспоминал Г. В. Вернадский и о том, что «в Перми некоторое время в Королевских номерах жил инкогнито великий князь Михаил Александрович» и однажды на всенощной в одной из пермских церквей заметил, что «в стороне от других стоит Михаил Александрович и, очевидно, его адъютант (оба в штатском)» [Там же, с. 144].

В августе 1918 г. Г. В. Вернадский был вынужден покинуть Пермь. Он указывает причины, побудившие его к отъезду: «Кажется, в мае 1918 года друзья меня предупредили, что ЧЕКА собирается меня арестовать. Большевистский административный аппарат еще не был как следует налажен – все делалось, так сказать, кустарным способом. Пермским интеллигентам удалось устроить своего человека под видом служащего ЧЕКА. Ему и удалось многих предупредить. Мы с Ниной решили на лето поехать в какую-нибудь глухую деревню в Пермском уезде, чтобы там укрыться на некоторое время» [Там же, с. 145].

В личном деле Г. В. Вернадского, хранящемся в Государственном архиве Пермского края, сохранились документы, свидетельствующие о планах научных командировок историка на лето 1918 г. Первоначально он планировал «осуществить разрешенную Советом научную командировку в гг. Харьков и Полтаву», но из-за «затруднительности... по условиям переживаемого времени» попросил вместо этого командировать «на собственный счет с научной целью в Чердынский и Соликамский уезды Пермской губернии... в течение летних месяцев текущего 1918 года»²⁴. Совет Пермского университета одобрил эту поездку на заседании 12(25) июня 1918 г.²⁵

Но вместо поездки на север Пермской губернии пришлось провести некоторое время в деревне Быковка, затерянной в лесах, до нее «надо было ехать минут сорок по железной дороге, а потом идти пешком несколько верст» [Там же]. В ней можно было наблюдать реальные условия жизни сельского населения: «Деревня действительно была глухая... Мы сначала не привезли тарелок – спросили одну девушку в деревне, не может ли она одолжить две тарелки. Она ответила: «Я не

знаю как они живут талерки». Изба оказалась полна клопов. Мы на всякий случай привезли серы и решили прокурить избу, прежде чем в ней поселиться» [Там же].

Вскоре Г. В. Вернадский обращается к секретарю совета университета со следующим письмом: «Многоуважаемый Ефим Григорьевич! В Чердынъ я в последнюю минуту раздумал ехать, поехал просто на дачу, и воспользоваться командировкой университета мне не пришлось. Теперь я решил использовать прежде данную мне Советом Университета командировку (в Москву, Харьков, Полтаву) и съездить в Москву и на юг в остающиеся до начала занятий 1½ месяца... Я собираюсь приехать в Пермь к понедельнику 26.VIII.1918 нов. ст.»²⁶.

Необходимое для поездки удостоверение было выдано. В нем содержалось обращение «ко всем правительственным и общественным учреждениям, а равно должностным и частным лицам... оказывать профессору Георгию Владимировичу Вернадскому содействие на пути его следования в означенные города и обратно»²⁷.

В воспоминаниях Г. В. Вернадский объясняет причины возвращения к идее поездки в Москву и на Украину: «В конце июля сменился начальник пермской ЧЕКА и благожелатели сообщили мне, что я могу без риска вернуться на несколько дней в Пермь, а затем на остаток лета уехать куда-либо подальше, например, в Москву, а потом уже вернуться в Пермь к началу занятий в университете. В Перми, помнится, в самом начале августа, мы быстро подготовились к поездке в Москву. Заплатили Вечтому за комнаты до 1 октября. Вещи оставили в наших комнатах, кроме самого необходимого. Так оставили в Перми письма Бородина и других композиторов “Могучей кучки” к Нинину отцу, также Нинины альбомы с фотографиями институток ее класса (училище св. Елены в Петербурге). Ректор университета Покровский выдал мне свидетельство, что я командуюсь на шесть недель в Москву для научных занятий и еду с женой. Забыл раньше сказать, что, когда мы приехали в Пермь, Покровский выдал нам новые паспорта взамен “царских”. Паспорта эти мы, конечно, тоже взяли с собой. Благожелатели нам объяснили, что на вокзале агенты ЧЕКА проверяют отпускные свидетельства и паспорта. Нас предупредили, чтобы мы к нему не подходили, а предъявили бы свидетельство ректора университету коменданту станции (тоже большевику, но не ревностному). Так мы и сделали и благополучно сели в поезд» [Там же, с. 146–147].

Университет, договорившись с президиумом городского совета депутатов, также позаботился о том, чтобы занимаемая Г. В. Вернадским квартира на Екатерининской улице, д. № 11, ни реквизиции, ни уплотнению не подлежала и оставалась в полной неприкосновенности²⁸.

Но Г. В. Вернадский в конце августа в Пермь не вернулся, и уже осенью 1918 г. ему от имени исполняющего обязанности ректора Пермского университета профессора Н. П. Оттокара была направлена телеграмма, адресованная в Киев, в Академию наук: «Прошу Вас незамедлительно возвратиться месту службы Пермский Государственный Университет Необходимые удостоверения высылаются»²⁹. Но стремительно менявшиеся условия российской жизни в период Гражданской войны оставили приглашение лишь благим пожеланием.

Попав в Пермь почти случайно, в связи с интересом к Сибири, куда Г. В. Вернадский стремился и не добрался из-за революционных событий, молодой историк погрузился здесь в благотворную интеллектуальную среду. Пермское научное сообщество, отличавшееся высочайшим уровнем ведения научных дискуссий, вдохновило его на собственные научные изыскания, углубление в постижение прошлого России, формирование собственного ретроспективного ее видения. В Перми Г. В. Вернадский оказался среди крупнейших российских историков, в таком научном окружении, в котором смог проявиться его дар исследователя. Он выразился в разносторонней творческой деятельности: написании и публикации научных статей, сохраняющих свою научную значимость для современной историографии, редактировании «Сборника Общества исторических, философских и социальных наук», преподавательской деятельности. Мы можем предположить, что рождению евразийских идей историка способствовало пребывание в Перми, на краю Европы, на границе с Сибирью.

Примечания

¹ Г. В. Вернадский писал: «...давно я собирался написать Вам, узнать, не слышали вы чего-нибудь о Перми, Пермском университете и профессорах. Я уехал из Перми осенью 1918 года (был последнее время профессором Таврического университета в Симферополе) и ничего с тех пор о Перми не слышал, а очень хотелось бы узнать... А про Пермь, если что слышали, напишите мне непременно».

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. № Р-180 «Пермский государственный университет Министерства образования РФ (г. Пермь)». Оп. 2. Д. 62. Л. 7.

³ Там же. Л. 6. Заявление было дополнено Curriculum Vitae, списком ученых трудов, одним экземпляром магистерской диссертации «Русское Масонство в царствование Екатерины II» (Петроград, 1917), тремя экземплярами оттиска статьи «Против солнца. Распространение русского государства к востоку» (Русская Мысль, 1914, янв.).

⁴ ГАПК. Ф.Р-180. Оп.2. Д. 62. Л. 7.

⁵ Там же.

⁶ Против солнца. Распространение русского государства к востоку (Русская Мысль, 1914, янв.); О движении русского племени на Восток (Научный исторический журнал, 1913, Т. 1, № 2); Венгерский поход 1849 г. (Русская Мысль, 1915, февр.); Угорская Русь и ее возрождение в середине XIX в. (Голос минувшего, 1915, март); Государевы служилые и промышленные люди в восточной Сибири XVII в. (Журнал Министерства народного просвещения, 1915, апр.); Манифест Петра III о вольности дворянской и Законодательная Комиссия 1754–1766 гг. (Историческое обозрение, 1916, Т. 20). Осенью 1917 г. в печати находились его статьи: О. А. Поздеев (Сб.: Масонство в его прошлом и настоящем. М.: Задруга. Т. 11); Н. И. Новиков (Русский биографический словарь); Император Павел II (Новый энциклопедический словарь Эфрона) (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 62. Л. 8).

⁷ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 62. Л. 10 об.

⁸ Там же. Л. 11.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 11, 11 об.

¹¹ Там же. Л. 10, 11 об.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 12, 12 об.

¹⁴ Там же. Л. 12 об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 12 об, 13.

¹⁷ Там же. Л. 14.

¹⁸ В совет Пермского университета входили профессора Б. Л. Богаевский, К. К. Буга, Л. А. Булаховский, Г. Г. Вейхардт, Б. Ф. Вериги, А. Г. Генкель, Б. Д. Греков, А. П. Дьяконов, Б. В. Казанский, Б. А. Кржевский, В. Э. Крусман, С. П. Обнорский, Н. П. Оттокар, К. Д. Покровский, М. В. Птуха, А. И. Сырцов, Л. В. Успенский, А. Я. Яценко, К. Ф. Абрамович, А. С. Безикович, А. И. Вольдемар, В. Ф. Глушков, В. Н. Дурденевский, А. А. Заварзин, Н. И. Кроммер, А. Н. Круглевский, А. А. Полканов, Б. К. Поленов, А. А. Рихтер, Д. М. Федотов, В. К. Шмидт, Д. В. Алексеев, Н. В. Култашев, А. И. Луньяк, Н. Н. Фиолетов (ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 62. Л. 22).

¹⁹ ГАПК. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 62. Л. 22.

²⁰ Здесьписка – профессор Н. П. Оттокар в этот период преподавал на историко-филологическом факультете Пермского университета историю искусства эпохи Возрождения, позднее выполнял обязанности ректора.

²¹ Инициаторами создания Общества выступили А. П. Кадлубовский, Б. Д. Греков, В. Ф. Глушков, Л. В. Успенский, А. И. Вольдемар, К. К. Буга, Д. В. Алексеев, А. А. Заварзин, В. Ф. Матвеев, М. В. Птуха, А. А. Смирнов, А. И. Сырцов, С. П. Обнорский, А. Н. Круглевский, Н. П. Оттокар.

²² Более подробно о деятельности Общества см. [Селянинова, 2008, с. 233–270].

²³ Как известно, архиепископ Пермский и Соликамский Андроник родился в 1870 г. в Ярославской губернии в семье диакона.

²⁴ ГАПК. Ф.Р-180. Оп. 2. Д. 62. Л. 37.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л. 38, 38 об.

²⁷ Там же. Л. 43.

²⁸ Там же. Л. 44, 44 об.

²⁹ Там же. Л. 51.

Библиографический список

Болховитинов Н. Н. Жизнь и деятельность Г. В. Вернадского (1887–1973) и его архив // Slavic Research Center Occasional Papers. 2002. № 82 [Электронный ресурс]. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicatn/82/82-contents.html>

Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопр. истории. 1995. № 1.

Вернадский Г. В. Императрица Екатерина II и Законодательная Комиссия 1767–1768 гг. // Сб. общества ист., филос. и соц. наук при Пермском университете. Пермь, 1918а. Вып. 1.

Вернадский Г. В. Письмо Н. И. Тургенева по крестьянскому вопросу 1859 г. // Сб. общества ист.,

- филос. и соц. наук при Пермском университете. Пермь, 1918б. Вып. 1.
Вернадский В. И., Вернадский Г. В. Жизнь бесконечно сложна и прекрасна // Михайлюк В. М. Пермская шкатулка: Пермь и Пермский край в судьбе России. Пермь, 2007.
Кертман Л. Е., Васильева Н. Е., Шустов С. Г. Первый на Урале. Пермь, 1987.
Лопатин В. С. Письма, без которых история становится мифом. М., 1997 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0020.shtml
Лопатин В. С. Суворов и Потемкин. М., 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://adjutant.ru/suvorov/lopatin07.htm>
Профессора Пермского государственного университета (1916–2001). Пермь, 2001.
Сборник общества исторических, философских и социальных наук при Пермском Университете. Пермь, 1918. Вып. 1.
Селянинова Г. Д. Общество исторических, философских и социальных наук при Пермском университете в 1917–1918 гг. // Диалог со временем. 2008. № 25/2.
Шилов А. В. Г. В. Вернадский: судьба ученого // Страницы прошлого: избр. матер. краевед. Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995.

Дата поступления рукописи в редакцию 13.08.2012

G. V. VERNADSKY IN PERM UNIVERSITY: 1917–1918

G. D. Selyaninova

Perm State Pedagogical University, Sibirskaya st., 24, 614990, Perm, Russia
gsina@mail.ru

The article is devoted to the daily life and professional activity of a famous Russian historian G. V. Vernadsky during the period of his life in Perm. From September 1917 till August 1918 he was a professor of Perm University. In Perm G. V. Vernadsky participated at the discussions of the Society of historical, philosophical and social sciences. Besides he was the editor of the issue of the Society. In Perm he wrote and published two articles on this issue. One of them – «Empress Catherine II and the Legislative Commission 1767–1768» has been devoted to the discussions about rights of Russian nobles, first of all - the right of possession of serfs. The second article «N. I. Turgenev's Letter on peasants' question of 1859» has also been written in Perm. G. V. Vernadsky made the analysis of the historical document, simultaneously characterizing its maintenance and a creation context.

Everyday life of the historian in Perm was in the conditions of creation of the Soviet state and Bolshevik terror. In Perm G. V. Vernadsky had deep spiritual transformation that was connected with the strengthening of his faith. G. V. Vernadsky's departure from Perm was connected with the necessity of rescue from bolshevist terror.

Key words: G. V. Vernadsky, Perm University, intellectual community, revolution, Civil war.

References

- Bolkhovitinov N. N.* Zhizn i deyatelnost G. V. Vernadskogo (1887–1973) i ego arkhiv // Slavic Research Center Occasional Papers. 2002. No. 82. P. 1–18 [e-resource]. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/82/82-contents.html>
Gosudarstvennyy archiv Permskogo kraja. Fond R-180. Op. 1. D. 62.
Kertman L. E., Vasileva N. E., Shustov S. G. Pervyy na Urale. Perm, 1987.
Lopatin V. S. Pisma, bez kotorykh istoriya stanovitsya mifom. Moscow, 1997 [e-resource]. URL: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/text_0020.shtml
Lopatin V. S. Suvorov i Potemkin. Moscow, 1992 [e-resource]. URL: <http://adjutant.ru/suvorov/lopatin07.htm>
Professora Permskogo gosudarstvennogo universiteta (1916–2001). Perm, 2001.
Sbornik obshchestva istoricheskikh, filosofskikh i sotsialnykh nauk pri Permskom Universitete. Perm, 1918. Iss. 1.
Selyaninova G. D. Obshchestvo istoricheskikh, filosofskikh i sotsialnykh nauk pri Permskom universitete v 1917–1918 gody // Dialog so vremenem. 2008. No. 25/2. P. 233–270.
Shilov A. V. G. V. Vernadsky: sudba uchenogo // Stranitsy proshlogo. Perm, 1995. P. 122–124.
Vernadsky G. V. Imperatritsa Ekaterina II i Zakonodatelnaya Komissiya 1767–1768 gg. // Sbornik obshchestva istoricheskikh, filosofskikh i sotsialnykh nauk pri Permskom Universitete. Iss. 1. Perm, 1918a. P. 43–65.
Vernadsky G. V. Iz vospominaniy // Voprosy istorii. 1995. No. 1. P. 129–148.
Vernadsky G. V. Pismo N. I. Turgeneva po krestyanskomu voprosu 1859 g. // Sbornik obshchestva istoricheskikh, filosofskikh i sotsialnykh nauk pri Permskom Universitete. Iss. 1. Perm, 1918b. P. 119–129.
Vernadsky V. I., Vernadsky G. V. Zhizn beskonechno slozhna i prekrasna // Mikhailiuk V. M. Permskaya shkatulka: Perm i Permskiy kraj v sudbe Rossii. Perm, 2007. P. 91–104.